

Горь Белошевский

*Логаная
Молодежь*

(часть #2)

Игорь Белошевский

Поганая Молодежь. Часть #2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169529

ISBN 9785449081179

Аннотация

Между двумя точками отсчета все меркнет и становится незначительным. Это как полет пули, разрезающей на своем пути воздух от момента удара бойка по капсулу до попадания в цель. В масштабах вселенной человеческая жизнь, смотрится именно так. А нам все кажется, кажется, что покупка пары туфель меняет жизнь к лучшему. Кажется, что увеличение нулей на счете в банке делает нас значительными и дает право на счастье. Таракану тоже кажется, что он живет, только жизнь его – возня в помойке.

Содержание

21. АВТОЦЕНТР «КОРОНА»	5
22. СОН	12
23. МОНИКА	15
24. АГНЕСКА	25
25. ЛОМБАРД И КАРМА	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Поганая Молодежь

Часть #2

Игорь Белошевский

© Игорь Белошевский, 2019

ISBN 978-5-4490-8117-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

21. АВТОЦЕНТР «КОРОНА»

Черная полоса неудач продолжала преследовать Павла Григорьевича Самолюбова. Остановившись на улице Гоголя, у подержанной и проклятой, красной «Мазды-626», я засунул под ее лобовое стекло флаер с купоном на бесплатную помывку машины. Шансы, что клиент купится на эту уловку, были не велики, но все же они были. Все любят «халяву», и этот факт нельзя недооценивать.

Автоцентр «Корона» находился на окраине города «К» и никакими особыми заслугами по части авторемонта никогда не отличался от других подобных мест, если не считать того обстоятельства, что сейчас там, в поте лица, трудился мой друг Медведь. Любовь к технике, которую Медведь питал с раннего детства, прочно пустила корни именно в автоцентре «Корона», в заведении, приобретенном нами на деньги, заработанные контрабандным путем. Идея сервиса, разумеется, принадлежала Медведю, и он был просто счастлив от исполнения своей давней мечты. В то время как я и Кля, то и дело, наведывались в братскую республику «П», весь свой досуг Медведь проводил в автомастерской, ремонтируя еще одно наше приобретение – подержанный темно-зеленый «Мерседес» в 123-м кузове, на котором мы и совершали набеги «за кордон», и который, как боевой корабль, имел имя собственное – Бисмарк.

С момента аренды двух гаражей, покупки моечного оборудования «Херхер», автомобильного подъемника и еще всякого разного инструмента, назначение которого было известно зачастую только Медведю, прошёл уже целый год, а наш сервис даже не думал окупаться. Клиент не шел, а аренда, налоги и госслужбы сжирали всю прибыль. В таких непростых рыночных условиях, основная статья дохода сервиса плавно перешла из ремонта подвесок и двигателей машин, в переоборудование автомобилей из «обычных» в «рабочие». Основными клиентами стали, такие же как и мы, контрабандисты, которые возили сигареты и водку в республику «П». Нашим главным хитом-изобретением долгое время оставалось вваривание в бензобаки их машин скрытой металлической полости, омываемой со всех сторон бензином. Такой тайник было достаточно сложно обнаружить при осмотре машины на таможне, и он пользовался успехом среди посетителей автоцентра «Корона».

Я толкнул железную дверь гаража и шагнул в помещение. Под темно-зеленым «Мерседесом» лежал Медведь, который менял передний рычаг в подвеске Бисмарка.

– Сильно погнули, – спросил я у Медведя, сев на корточки рядом с ним.

– Тут не бывает сильно или нет, – ответил деловито Медведь, – Бывает просто погнули.

– Тебе виднее, – сказал я.

– За рулем Киля был? – спросил Медведь.

– Какая разница кто был? – ответил я.

– Такая, что в следующий раз, он сам менять будет, – ответил Медведь, – Сколько можно машину калечить.

– Ладно тебе, – сказал я, – С каждым из нас могло произойти. Вчера на «черную» полицию нарвались, еле ушли. Устроили им там ралли по лесным тропам.

– Киля любитель понапрасну жопой рисковать, – недовольно произнес Медведь, – А тайник в машине на что? Пусть бы обыскивали! В чем проблема?

– Так мы на сбыт уже приехали, распаковались, а эта паскуда Збигнев давай цену скидывать. Видно знал гнида, что «черные» пасутся рядом. Пришлось погрузить все наше добро в багажник и отправиться на другую точку. А эти, с мигалками, тут-как тут. Ну и все, вариантов не густо. Пришлось уходить.

– Веселая ночка, – ответил Медведь.

– Не то слово, – подтвердил я, – Еще хорошо, что номера с машины не срисовали. На границе, на выезде домой, правда прошмонали нас как следует, и допрос учинили, но предъявить ничего не смогли.

– А где второй герой? – спросил Медведь, – Где Киля?

– Отсыпается, – ответил я, в тот самый момент, когда Киля открыл дверь в гараже.

– Кто рано встает, тот всех достает, – сказал Киля, слышавший мою крайнюю фразу с упоминанием о нем.

Киля подошел к нам и пожал руки в знак приветствия.

– Медведь, нашей ласточке неплохо бы полное техобслуживание провести, вчера она нас здорово выручила, – сказал Киля.

– Возьми да проведи, – ответил Медведь.

– Я не умею, – сказал Киля, – Ты же у нас главный по технической части.

– А ты у нас по какой части? Главный? —спросил Медведь.

– Я ответственный за анархию, – ответил Киля, достал из кармана три свертка из денег, свернутых в трубочки, и перетянутых тоненькой резинкой, протянул один из них Медведю, а один отдал мне.

Медведь выкатился на лежаке из-под машины, взял свой сверток с деньгами и затем обратился ко мне:

– Там, вчера наша красная «Мазда-626» приезжала, помыться.

– Удачно помыл? – спросил я.

– А то, я тут времени даром не теряю, – ответил Медведь, встал с лежака и подошел к верстаку.

Мы с Килей переглянулись. Медведь взял что-то из ящика под верстаком, затем подошел к нам и протянул мне ключ от замка зажигания Самолубовской «Мазды-626».

– Вот он, родимый, держи, – сказал Медведь.

– Это то, что я думаю, – переспросил я у Медведя.

– Именно, – ответил Медведь.

– Как все прошло? – спросил я у Медведя.

– В отличии от вас, без происшествий, – произнес Медведь, – Приехал он значит такой, че по чем, хоккеей с мячом, сует мне твой купон на бесплатную помывку. Я беру, говорю, что через полчаса будет готово и все, отправляю его попить кофе. Он уходит, оригинал ключа, естественно, в машине, а дальше, дальше дело техники.

– Дескриптор – вещь, – сказал Киля, – Пригодился все-таки. Не зря за него столько бабок отвалили.

– Вещь незаменимая, – подтвердил Медведь, – А все кричали оба, зачем нам эта штука за полтора косаря евро. Теперь поняли зачем.

– Если дело выгорит, возьмем свои слова обратно, – ответил Киля, доставший из другого ящика, находящегося под верстаком, дескриптор, – Я до сих пор не могу поверить, как это можно взять один ключ, засунуть его в эту штуковину и получить такой же. Прямо чудеса.

– Суть не в ключе, – ответил Медведь, – Ключ – кусок железа и все, его тебе в любом закутке выточат. Вся сложность, чтобы код считать, и вшить его потом в эту заготовку. Для такой цели дескриптор и нужен.

– Главное, ключ теперь у нас, – произнес я.

– Машину то клиенту хотя бы помыл? – с ухмылкой спросил Киля у Медведя.

– Обижает, – ответил Медведь и тоже улыбнулся, – Все сделал в лучшем виде.

Повременив месяц, для того, чтобы естественным обра-

зом создать алиби нашему очередному преступлению, одним ранним утром, я опять оказался на улице незабвенного классика отечественной литературы Николая Васильевича Гоголя. Угонять машину сразу на следующий день после помывки, было бы непростительной ошибкой. Самолюбов мог где-нибудь в полиции вспомнить о посещении незнакомых ему мест и, таким образом, выйти на нас. А так был шанс, что время запутает следы и все обойдется.

Было четыре часа утра, солнце и Самолюбов еще не проснулись, а я уже стоял в глухом дворе обычного многоквартирного дома перед красной «Маздой-626». Вокруг было пустынно. Ни единой души, способной помешать моему коварному замыслу. Только утренняя прохлада и горящий фонарь над сквозной аркой монолитного дома. В своем кармане я нащупал грабер и нажал на нем кнопку. (Грабер- специальное приспособление для того, чтобы отключить сигнализацию машины, напоминающее обычный электронный автоключ). Красная «Мазда-626» подмигнула мне несколько раз своими «аварийками» и успокоилась. Я, еще раз, огляделся по сторонам, двор по-прежнему был пуст. Подойдя ближе к машине, быстро открыл дверь и сел в салон, завел машину ключом-дубликатом, полученным от Медведя, и все, спокойно уехал.

Машину я отогнал через две улицы от места жительства потерпевшего и припарковал ее во дворе, похожем на Самолюбовский, рядом с кирпичной девятиэтажкой и постамен-

том, на котором гордо возвышался зеленый танк Т-34. Кля и Медведь предлагали сделать все по классической схеме, позвонить Самолюбову и предложить ему выкупить свою же машину за тридцать процентов от ее реальной стоимости, но я был против.

Через час, к памятнику танку Т-34 подъехал нанятый мной эвакуатор, и красная «Мазда-626» была перевезена в автоцентр «Корона», где Медведь, благополучно, огромной электрической пилой «болгаркой», распилит кузов машины на три части.

22. СОН

В ночь, после совершённого угона красной «Мазды-626», я проснулся от странного сна, настолько реалистичного, что на какой-то момент, после пробуждения, мое сознание попыталось потеряться во времени и пространстве. Открыв глаза, я даже не сразу сообразил где нахожусь. А находился я ни где-нибудь, а горизонтально лежа на расправленной кровати. Так, по крайней мере, мне показалось, когда включил стоящий на тумбочке светильник. Электронный часы, выполненные в виде электронных часов, и служившие для того, чтобы показывать время, неизменно стояли на полке и высвечивали в темноте – три часа ночи. Я сел на край кровати и попытался вспомнить свой сон.

В высокой траве лежало яблоко. С этого все началось. Моя рука взяла его и поднесла ко рту. Помню, что хотел укунить данный фрукт, но меня остановил лай собаки, раздавшийся за спиной. Я оглянулся и понял, что стою на коленях посреди яблоневого сада. Вокруг меня было разбросано еще много других яблок, и все красные, как на подбор, ярко красные. Они лежали в траве и блестели парафиновым глянцем, как в какой-нибудь паршивой польской рекламе, уверяющей неопытного зрителя, что яблоки должны быть именно такими.

В ту же минуту, как я это понял, по обе стороны от ме-

ня, с деревьев, прямо на землю, спрыгнули Киля и Медведь. Помню, что еще была какая-то рука, которая сначала держала за ошейник разъяренного добермана, а потом, отпустила его, и собака с другого конца сада бросилась к нам. Или не было руки? Да, нет, вроде была... И собака точно была. Она рысью мчалась к нам готовая разорвать в клочья. Это я видел отчетливо.

Практически одновременно, мы втроем вскочили с земли на ноги. Хотя нет... Киля и Медведь стартовали раньше, они пробежали по обе стороны от меня, а я помчался за ними вдогонку. Первым бежал Медведь, за ним бежал Киля, ну а за Килей, мчался я.

Медведь забежал в сторожку, которая встретилась на нашем пути и плотно закрыл за собой дверь. Киля дернул на себя несколько раз ручку двери, но поняв, что сарайчик наглухо закрыт, решил бежать дальше. Я последовал за Килей.

Собака была уже близко. Я не видел ее, но чувствовал. Казалось, что она уже дышит в спину.

Киля запрыгнул на деревянный забор и стал перелезать через него. Я сделал тоже самое. Через пару секунд, мы оба, кубарем, покатались с забора на землю. Оказавшись на другом дачном участке, я посмотрел на Килю, он на меня. Мы были в паре метров друг от друга. Я посмотрел на забор, и в ту же секунду, в воздухе, показался пес, который взмыл в небо подобно ракете, и затем, приземлился прямо возле моих ног. Огромный, разъяренный доберман стоял и смот-

рел своими черными глазами, готовясь вцепиться мне в горло в любую секунду.

Киля бросился перелезть через забор обратно, а я лишь стоял на земле парализованный страхом, боясь даже пошевелиться. Биения моего сердца набирали скорость, как будто кто-то, нажал на какой-то сердечный акселератор, и эта мышца начала разгоняться, подобно болиду «Формулы-1». Казалось сердце уже бьётся не в груди, а где-то в голове, разрывая ее изнутри своими ударами.

Подобно бетонной статуе, я врос в землю. Любое мое движение и пес будет атаковать. Я упереться своим взглядом в злобные глаза добермана. Он впился своим в меня. Страх начал заполнять все мое существо, пока не накрыл с ног до головы, и тут я достиг какой-то точки, какого-то предела моей души, моего предела. Когда это случилось, я издал громкий крик, и он волной накрыл все вокруг, поглощая пространство, подобно волне цунами, обрушившейся откуда-то с неба на землю и сметающей все на своем пути.

Я замолчал и обессиленный сел на землю. Доберман поджал хвост и медленно поплелся прочь.

23. МОНИКА

Закружило и завьюжило, снег в лицо, и не важно с севера он или с юга, или наоборот. На дворе штормил декабрь. Циклон «Моника» бушевал по всей Европе, не обошел он стороной и республику «П», куда я, Киля и Медведь, каждый день, несмотря на непогоду, настойчиво продолжали возить свою контрабанду.

Каждый из нас уже настолько заматерел и привык к этим нелегальным поездкам, что никто давно уже не испытывал ни малейшего стресса, пересекая туда-обратно госграницу на темно-зеленом «Мерседесе» – Бисмарке. Каждый день мы прятали сигареты в тайник, располагавшийся в бензобаке машины, каждый день обменивали польские «злотые» на российские «рубли», и каждый день пили кофе в одном и том же приграничном кафе на польской стороне.

В этом уютном месте и сейчас можно было сидеть за столиком, и наблюдать, через стеклянную витрину, как в сторону полосатого шлагбаума, по заснеженной дороге, медленно плетутся грузовики, таща на себе, подобно муравьям, длинные тентованные прицепы. Говорят, что можно бесконечно смотреть на три вещи, возможно, но одна из них тогда – это точно вид из окна кафе «Смаки», в этом я уверен, но Киля, похоже, сегодня думал иначе.

– Самое обидное, – сказал Киля, – То, что в мире столь-

ко прекрасного, а мы вынуждены харчеваться гамбургерами по четыре злотых за штуку.

Выдав эту глубокую мысль, Киля мощно откусил огромный кусок от польской котлеты, зажатой между двумя половинками мягкой пшеничной булочки.

– А что тебя не устраивает? – спросил Медведь, помещивая ложечкой свое кофе в маленькой фарфоровой чашке, – Деньги есть, живем в свое удовольствие. Что еще?

– Знаешь в чем между нами с тобой разница, – сказал Киля Медведю, и положил недоеденный гамбургер на стол.

– Ну и в чем? – спросил Медведь.

– Разница в том, – продолжил Киля, – Что у меня мир – огромный и круглый, а у тебя – маленький, мерзкий и плоский.

– Да что ты, какие мы важные, – с ухмылкой произнес Медведь.

– Ладно тебе Киля, – попытался я сгладить непонятно откуда взявшуюся проблему, – Все люди разные. Каждый думает как хочет. Чего ты завёлся?

– Да он просто невростеник, вот и завелся, – сказал Медведь, и с напускным спокойствием сделал очередной глоток кофе.

– Надоело все, – немного помедлив ответил Киля, затем взял со стола свой недоеденный гамбургер и запустил его в мусорку, находящуюся на приличном расстоянии от нас, возле входной двери кафе.

– Молодец Киля, «трехочковый» забросил, – недовольно произнёс я, – Метни еще, для полноты общей картины, стакан с колой в официанта.

Киля ничего не ответил, он откинулся на спинку стула и затем произнес:

– Скучно, – сказал Киля, – Мы превращаемся в каких-то поганых дачников, которые до пенсии расширяют в своей квартире диагональ у телевизора. Или тратят свою жизнь на ипотеку, на какую-нибудь «однушку» в новостройке на окраине города, с перспективой, так сказать, на будущее. Не хочу я так.

– А как хочешь, – все с той же ухмылкой спросил Медведь.

– Я хочу, сделав вдох и выдох, прожить каждое мгновение этой жизни, – ответил Киля, – Вот как я хочу!

– Угу, – сказал Медведь, – План огонь.

– Какой есть, – ответил Киля, – Я даже готов сражаться за это. Так давайте же сражаться, а не гамбургеры жрать, господа пираты.

– Да не вопрос Киля, сражайся, – ответил Медведь, – С твоей философией ты рано или поздно кони все равно дви-нешь. Это просто вопрос времени, да и только.

– Все лучше, чем трястись за свою шкуру, как пес паршивый, – ответил Киля, – Давайте замутим чего-нибудь, сколько можно уже прозябать без нормального дела.

– Давайте без давайте, – произнес Медведь, – Все у нас хорошо. Зачем дергаться? Лично я, ни на зону, ни на тот свет

особо не стремлюсь, намерен жить долго, причем так долго, что может быть успею еще даже всем надоест. Лично мой план такой.

– Тебе нужно было еще при рождении, вместе с метриками, выдать абонемент в крематорий, – сказал Киля и сделал через трубочку глоток колы из высокого бумажного стакана.

– В смысле? – спросил Медведь, не понявший Килину мысль.

– В прямом, – ответил Киля, – Такое ощущение, что у тебя десять жизней в запасе, а она то, одна дается, и нельзя ее спускать в унитаз. По крайней мере, не хотелось бы. Вот я о чем.

– Что ты конкретно предлагаешь? – спросил Медведь.

Киля задумался, и после продолжительной паузы ответил:

– Не знаю, – сказал Киля.

– Понятно, – произнес Медведь, – Радуйся тому, что у тебя есть. Наши поездки сюда, тоже знаешь, до поры до времени.

– Угу, люди годами «конрабас» возят и ничего с ними, почему-то, не случается, – ответил Киля, – Кроме дня сурка.

– Ага, – ответил Медведь, – Люди возят по максимуму до тех пор, пока у них тайник не обнаружат, а потом все, закрылась лавочка.

– Да неужели, – ответил Киля, – На границе думают, что мы солярку таскаем в Польшу, а не сигареты, все как бы легально. Таких туристов пол-области катается, за всеми

не уследишь. По этой легенде, еще лет сто можно ездить, и ничего у нас не найдут, только скучно все это.

Я встал со стула.

– Найдут, не найдут, тут как повезет, сейчас важно другое, нужно заработать бабла столько, сколько сможем, чтобы в случае чего, была подушка безопасности, подумай об этом на досуге, – сказал я Киле, и затем добавил, – Пойду за кофе схожу. Возьмем с собой в дорогу. Кому какой? Латте? Капучино?

– А в чем разница? – спросил Киля.

– Латте – это когда кофе в молоко, – ответил я.

– А капучино – это когда молоко в кофе, – добавил Медведь

– Хорошо, – сказал Киля, – Давай тогда латте, только попроси, чтобы они его ложечкой перемешали.

Я купил кофе и вернулся к нашему столику, держа в руках картонный поднос, похожий на упаковку для куриных яиц. На подносе дымились три бумажных стакана с кофе.

– Ребят, – обратился я к друзьям, – А не махнуть ли нам куда-нибудь прокатиться? Давайте развеемся. Чего мы вдоль границы все время маячим? Посмотрим, как там глубже, наша республика «П» поживает? А?

– Поехали в Дрынськ, – предложил неожиданно Медведь.

– Почему в Дрынськ? – спросил я в один голос с Килей.

– Не знаю, – ответил Медведь, – Мне кальсоны нужно купить, все яйца на этой границе сегодня отморозил.

– Почему нет, – сказал Киля, – Цель святая, поехали.

До Дрыньска было ехать примерно восемьдесят километров. Мы мчались по так называемым польским шоссе, узким асфальтированным тропкам, еле расходясь боковыми зеркалами нашего «Мерседеса» с несущимся навстречу грузовиками. За окнами автомобиля, через забор из деревьев, растущих по обе стороны дороги, постоянно мелькали заснеженные поля, аккуратные кирпичные домики, украшенные мигающими гирляндами, старые кирхи и придорожные кафе. Все вокруг готовилось к рождественским праздникам и здесь это ощущалось, как нигде больше. Я давно уже заметил этот дивный парадокс. Стоит тебе ближе к новогодним праздникам пересечь границу с родиной и попасть в Европу, как вместо зимней депрессии, ты сразу попадаешь в Рождество из какого-то голливудского фильма.

Заехав в город «Дрыньск», мы припарковались возле первого попавшегося магазина с надписью «Склеп», и отправились гулять пешком по городу.

Дрыньск оказался небольшим, но очень старым и красивым польским городком, с узкими улочками и домами, построенными в восемнадцатом веке. Отовсюду торчали украшенные рождественские елки и прочая праздничная атрибутика, столь близкая сердцу среднестатистического европейца.

Люблю уличных музыкантов. Особенно тех, что играют и зимой, и летом, не взирая на погоду. Они делают мир луч-

ше. У них есть свое настоящее. Которое здесь и сейчас, которое не вписывается в вывески, стеклянные витрины, рекламные билборды, раритетные дома, не гармонирует со шныряющими по улице промоутерами и зеваками-туристами с фотоаппаратным синдромом от фирмы «КЭнон». Трудно представить, что какой-нибудь пожилой дедуля славянской внешности, в телогрейке, растягивающий сейчас перед нами эспандером меха своей выдавшей виды гармошки, у одного из польских кафе города Дрыньска, вышел на улицу за большими деньгами. Он просто есть и все тут, он и его потрепанная гармошка. Виват дедуля!!! Жги свою мелодию и живи еще сто лет, играй, и еще раз играй.

Мы слонялись без дела по улицам, глаза то на местные достопримечательности, то на польских красавиц, и наконец, изрядно замерзший Киля не выдержал и сказал:

– И чего мы сюда приперлись? – сказал Киля.

– Так, погулять, – ответил я.

– Что-то я уже тоже нагулялся, – добавил Медведь, – Может вещей каких купим? Кальсоны, например. Мы же за ними вроде поехали.

Осуществлять многочасовой шопинг, в поисках чего-то для Медведя эксклюзивного, особого желания не было. Поэтому, зашли в магазин с названием «Склеп», возле которого, по прибытию в город Дрыньск, припарковали наш темно-зеленый автомобиль «Бисмарк».

Супермаркет жужжал, как разграбленный муравейник.

Всюду царил суетливая жизнь. Между витрин, с кое-как разложенным товаром, шныряли хитрые польские лица, шипя что-то непонятное на своем языке. То, что страна вроде как братская, а поговорить на русском языке здесь особо и не с кем, мы поняли практически сразу. Особенно досталось в этом плане Медведю, когда зашли в один из торговых павильонов.

– Извините, пожалуйста, любезнейший, скажите, есть ли у вас перчатки? – спросил я, у полноватого продавца с залысиной на голове.

При слове «перчатки», глаза у польского продавца почему-то оживились, как у школьника, знающего правильный ответ на заданный учителем вопрос, и он, жестом, показал на стеллаж, состоящий исключительно из одних только перчаток.

– Ренкавички? – сказал продавец и мило улыбнулся.

– Рукавички, так рукавички, – сурово ответил Киля, подошел к полке, и взял с нее несколько пар черных перчаток.

Медведь тоже обратился к продавцу с вопросом:

– А что насчет кальсон? – спросил Медведь.

На эти слова, наш европейский друг сделал многозначительное лицо, в котором, однако, можно было отгадать глубокий вопрос.

Медведь решил, что продавец не знает слова «кальсоны», и поэтому, решил устроить для него небольшую пантомиму. Он принялся размахивать в разные стороны руками и нога-

ми, пытаюсь, в своеобразном танце, кое-как объяснить поляку, что такое кальсоны. Как мне показалось со стороны, вторая из его попыток была особенно убедительной. Несмотря на это, наш чужеземный друг, по-прежнему, настойчиво показывал на все тот же стеллаж с перчатками.

– Кальсоны явно здесь не на пике спроса, – произнес Киля, тоже наблюдавший всю эту картину.

– Там, там, – снова сказал наш польский друг и показал Медведю на все тот же стеллаж с перчатками.

Медведь направил свои усилия по поиску требуемого товара согласно линии руки чужеземца, и обнаружил на полке перчатки, перчатки, перчатки, много перчаток и наконец, стопку с черными кальсонами, причем очень небольшого размера, похожими тоже, на какую-то диэлектрическую резиновую перчатку, созданную для двухпалых инопланетян.

– А взрослые есть? – недовольно спросил у продавца Медведь, – Эти для детей, для взрослых надо. Для меня.

Уставший от нашей назойливости, польский торговец медленно подошел к Медведю, взялся, с обеих сторон, за товар, и резко, так, что у всех дух перехватило, развел руки в стороны, растянув кальсоны до предела в разные стороны, максимально широко.

– Эффектно, – сказал Киля при виде такого зрелища.

Сзади меня послышался женский смех, я обернулся и увидел стройную белокурую девушку, которая тоже не без удовольствия наблюдала за фокусами этого торговца-прести-

дигитатора. Девушку звали – Агнешка. Это была высокая полька с отменной фигурой и шикарной белозубой улыбкой.

– Пойдем панове, – сказала нам Агнешка, – Покажа где еще ещч.

При виде длинноногой Агнешки, польский торговец разжал одну свою руку, с растянутыми до предела кальсонами, и те, со свистом, снова приняли свое обычное, компактное состояние.

24. АГНЕШКА

Во время своих последующих поездок в город Дрыньск, я всегда встречал Агнешку цветами, подобно тому, как советский народ когда-то приветствовал космонавтов. Мое случайное знакомство с польской красавицей постепенно переросло в довольно странные отношения. Сначала, я списывал все на разность наших культур и языковую пропасть, которая пролегла между нами, подобно нейтральной полосе из песни Владимира Высоцкого, но со временем понял, что дело совсем не в этом. Просто, Агнешка, была сама по себе инопланетным существом, живущим по неведомым мне законам, основа которых – прямая связь с космосом. Незнание мной польского языка, конечно же было помехой нашему общению, но не существенной. Мы вполне понимали друг друга, на каком-то своем, птичьем диалекте, чем-то средним между моим русским и ее польским языком.

День шел к вечеру, и когда я в очередной раз пересек границу с республикой «П», в аудиоколонках моей машины репер по прозвищу Винт зачитал речитативом трек – «Хочешь-Делай». Под трек все тех же ЮГов – «Поколение», я сдал партию контрабанды польскому скупщику Збигневу, и уже под композицию – «Культуре Посвящаю», мой «Мерседес» мчался по ночному польскому шоссе к космической возлюбленной в город Дрыньск, как вдруг, мобильный теле-

фон на панели «Бисмарка» исполнил еще одну, иную песню. Я взял телефон. Звонила Агнешка.

– Чешьч кохане, – сказала мне в телефонную трубку милая Агнешка.

– Привет, – ответил я, – Уже еду. Скоро буду.

– Кохане, у меня ноги не ходять, отказали, – сказала мне Агнешка в телефонную трубку.

– В смысле? Как отказали ноги?! Что случилось! – воскликнул я.

Сзади, издав протяжный сигнал клаксона, на скорости меня обошла, непонятно откуда взявшаяся на пустой дороге, легковушка. Она проскользнула по встречной полосе и скрылась из виду, оставив гореть вдалеке две яркие точки своих красных габаритных огней. Я медленно съехал на обочину дороги и выключил магнитолау. Рэп в салоне автомобиля стих.

– Каким образом отказали? Что произошло? – уже более спокойным тоном спросил я, желая разобраться в ситуации.

– Одмувено, – спокойно ответила Агнешка.

– Как это одмувенно? Ты можешь нормально рассказать, что стряслось? – настаивал я.

– Не мартшь вше, – сказала Агнешка.

– Как это не волноваться? – еще более встревоженно произнес я.

– Вшистко ешьч добже, не мартшь вше, – сказала Агнешка.

– Короче, понятно. Лежи там, не двигайся. Я через тридцать минут буду, – ответил я, осознав, что внятного ответа от Агнешки мне все равно сегодня не получить.

Не выпуская телефон из рук, я повернул ключ в замке зажигания машины и включил левый «поворотник».

– Не можешь же спешить, – спокойно сказала Агнешка.

– Почему уже не спешить? – проглотив комок в горле произнес я.

– Одмувено, причем два раза, одмувена. Ни че ни стало, – спокойно сказала Агнешка, – Лежу я значит на канапе, смотрю сериал «Беспардонная милошчъ», с этим французским актером, как там его, и пшистко...

Так ничего и не поняв из сказанного, я снова заглушил двигатель машины, решив до конца все же дослушать рассказ Агнешки, чтобы понять, куда мне двигаться первым делом, за «скорой помощью», или все таки к возлюбленной.

– На диване лежишь? – переспросил я.

– Да, на канапе, – ответила Агнешка, и затем продолжила, – Как там его этого актора... виж о ким мув я, и вдруг, как сведет мишьень на ноге.

– Мышцу на ноге, – переспросил я, – Икроножную мышцу?

– Цо естчъ икроножная? – переспросила Агнешка.

– Не важно, – ответил я, – Давай дальше.

– Дальше, я просто взвyla в голос, боль дзикий, и что самое наистрашнейша не пушта, – сказала Агнешка.

– Не отпускает, – перевел я.

– Да, не пушта, – сказала Агнешка, – Тераз я разумею футболистов, которые впадают в телевизор и кричат от боли. Тутай, лежу, значит, стону, а потом вдруг так раз, и пушьчич.

– Отпустило, – сообразил я, – Короче, у тебя свело мышцу на ноге, а потом ее отпустило. Так?

– Так, – ответила Агнешка и засмеялась, – Кохане, выставиме же на серье.

– Ты перепугалась не на шутку, это понятно, – ответил я, тоже давясь от смеха, – Сейчас то все нормально, ходишь же?

– Тераз так, але потом, – сказала девушка, – Дрогий, наибарджей нидошечне неправда.

– А что тогда в этой истории самое смешное? – спросил я, – Если не считать того, что я только что чуть не поседел во время нашего разговора.

– Цо то значит «поседел», – спросила Агнешка.

– Не важно, – ответил я, – Так, что там самое смешное?

– Наизабавнейша то, что я звонила до своего лекаря Давида Самуэлевича. Который на початку успокоил меня, а потом поведал, цо непоставит диагноз по телефону.

– «Зачем врачу то было звонить? Подумаешь ногу отсидела на диване. Тоже мне травма,» – подумал я, но ничего не сказал Агнешке.

– Але только повесила телефон, как ноги опять опали и боль дзикий, – сказала Агнешка, – Такой дзикий, дзикий. Я опять за телефон, звоню до моей подруге Франьчишке.

Франчишка была заангожована в йоге.

– Занималась йогой? – переспросил я.

– Да, – ответила Агнешка, – Заангожована в йоге, але взяла телефон и поведала мне, поведала, цо, то у меня обводнение.

– Что еще за обводнение? – переспросил я.

– Але обводнение, тераз, мало воды, – ответила Агнешка.

– Обезвоживание, – прояснил я для себя, – А почему у тебя должно было быть обезвоживание?

– У мне был то другой день диеты «2 Deis DIET?», – сказала Агнешка.

– Ты значит на диете была второй день, – по привычке перевел я, – Зачем тебе это?

– О тей диете я, кохане, пшечитала в кшенште которую мне дала Франьчишка. Там два дни в тугодне называне суровыми, чили правие без углеводов, а реста попросту чисте засилане по средиземноморским засад.

– По этой диете, два дня у тебя были строгие, то есть, ничего не ела, а потом, нужно было питаться по средиземноморским принципам, – перевел я, – Ты с ума сошла!!! Ты два дня ничего не ела из-за своей дурацкой диеты?

– Франьчишка ми то самое поведала, – спокойно ответила Агнешка.

– Конечно тоже самое скажет, если у твоей Франьчишки голова на плечах, – сказал я.

– Так и муви. Ошалелашь!!! Ты залекциважила залециня-

ми з ксенжки!!! Там выразние есть написано, але не допустить обвожение, раз в дзень пить соленого бульону, – произнесла Агнешка, передразнивая свою подругу Франчишку.

– Так ты даже воду не пила? – спросил я.

– Ни, – ответила Агнешка, – Ни воду, ни соленого бульона, как в ксенжи.

– Ты спятила!!! Это твоя ксенжи – это что, книга для самоубийц? – проорал я в трубку.

– Цо то есть «спятила», – переспросила Агнешка.

– Не важно, – ответил я, – Ошалелашь значит.

– Зараз так и Франьчишка муви, – ответила Агнешка.

– Да, к черту твою Франьчишку, – сказал я, – Срочно звони в скорую!!! Твой организм без этого гребанного бульона сейчас загнетса! Ты через эту диету в реанимацию попадешь. Срочно вызывай себе скорую. Срочно!!!

– Кохане, ни мартвше, юж звонила, – сказала Агнешка, – Они юж были.

– Были уже? – переспросил я, – Так ты сейчас где? В больнице? Куда мне ехать?

– Ни, ни, я ни есть в спитале, – ответила Агнешка, – Я есть в дому. Лекари приехали, зазвонили мни до двери. Подобно як ветеран войны с битвы иду до двери, отчиняю, стою и падше на них як глупья.

– Почему, як глупья? – спросил я.

– Для того, же буль минул, – ответила Агнешка.

– Стоп, стоп, стоп, – сказал я, – То есть, ты такая вста-

ла с дивана, идешь хромая к входной двери, подобно ветерану войны вернувшемуся со сражения, с каждым шагом тебе становится все легче, и легче. А когда ты открыла дверь, то совсем все прошло, и ты стоишь и смотришь на них. Я правильно понял? А они?

– Они пытаются, кто спарализовало? Гди больной? – ответила Агнешка, – Так ми встыд. Я в теде запомняла, что ломала диету и пила хербату.

– Хуууу, – облегченно сказал я в телефонную трубку, – Не переживай, хорошо, что забыла, что ломала диету и пила во время нее чай. Чай и плохая память тебя спасли.

– Тшебе то браво, а я в тоби, може бракую, – сказала девушка, – Приедешь?

– Уже еду, – произнес я.

25. ЛОМБАРД И КАРМА

Посреди гаража, на подъемнике, висело то, что когда-то называлось темно-зеленый «Мерседес-Бисмарк». После нехитрых Медведевских манипуляций с гаечными ключами и отвертками, машина теперь стала напоминать обглоданный скелет огромной рыбы триасового периода. Вся обшивка, двери, багажник и еще какие-то, ранее скрытые от человеческого глаза, запчасти, громоздились у стен по обе стороны гаража, а сам виновник данного действия – Медведь, стоял возле верстака и высекал сваркой яркие искры из куска металла.

– Ты что сделал!?! – закричал Киля обходя металлический остов, оставшийся от машины.

Медведь снял черную сварочную маску и посмотрел на меня и Килю воспаленными зрачками своих красных глаз.

– Медведь? Зачем ты ее полностью разобрал? – спросил я друга, стараясь при этом не переходить на крик.

– Не полностью, а до основания, – спокойно ответил Медведь, закрыл маску рукой и продолжил дальше сварочные работы.

– Тебе сказали только проверить работоспособность, подмазать, подкрасить, шланги там всякие поменять! Косметический ремонт! Ты что натворил!!! – кричал на весь гараж Киля, в отличие от меня, не ставший сдерживать свои эмо-

ции.

Медведь опять откинул забрало сварочной маски и уже более внимательно посмотрел на раздраженного Килю.

– Шланги любой дурак поменяет может, а вот редуктор на заднем мосте сделать, тут навык нужен. Редуктору хана. Как вы только на ней до гаража доехали? – ответил Медведь, – Да и вообще, тут и по кузову работы хватает, и ходовка, и....

И на утро следующего дня, я был вынужден отправиться на авторынок, чтобы заказать запчасти для нашего много-страдального «Мерседеса». Медведь взялся за дело основательно и похоже собрался полностью «оживить» железного коня. Чтобы дело не затянулось на неопределенные сроки, а такая перспектива очень даже маячила, нужно было экстренно брать все в свои руки и спасти немецкого кормильца от русского фаната-механика, предоставив Медведю все необходимое для ремонта.

По пути на рынок нужно было уладить еще одно мелкое дельце. Поднявшись по бетонным ступенькам крыльца ломбарда, я прошел через открытую решетчатую дверь, над которой висела камера видеонаблюдения, и оказался в темном мрачном помещении, напоминающем логово вампиров из какого-то забытого временем фильма о графе Дракуле. В комнате было мало света, но зато, было много всевозможных антикварных вещей, расставленных на полу, полках, витринах, подоконниках.

Вместо графа Дракулы, за стойкой прилавка ломбарда, я увидел высокую рыжеволосую девушку в элегантном брючном костюме, внешне чем-то напоминавшую диснеевскую принцессу Ариель. Это сходство было достигнуто косметикой и какой-то естественной непропорциональностью между ее носом, глазами и губами.

Ариель что-то увлеченно рассказывала своей, по-видимому, новоиспеченной коллеге – низенькой блондинке с раскосыми глазами, все время смотрящими в разные стороны, и лениво подмечающими нюансы происходящего.

– Все, что продашь за день, заносишь вот в эту тетрадь, – сказала рыжеволосая девушка своей подопечной, и достала толстую ученическую тетрадь из-под прилавка, – Все, что будешь принимать – вот в эту.

Рыжеволосая Ариель достала из-под прилавка другую, не менее толстую, и не менее ученическую тетрадь, и тоже положила ее перед коллегой.

При появлении клиента, маленькая блондинка, которую для удобства повествования, в дальнейшем, я буду называть – Белоснежкой, оторвала оба своих раскосых глаза от тетрадей, лежащих на прилавке, и посмотрела в мою сторону. Рыжеволосая начальница не обратила на меня никакого внимания, хотя я стоял уже перед ее непропорциональным носом.

– Слушай, что я тебе говорю, через две недели меня здесь не будет, – не обращая никакого на меня внимания строго

выпала Белоснежке рыжеволосая Ариель.

– У нас посетитель, – произнесла Белоснежка.

Рыжеволосая посмотрела мне в лицо и сказала:

– Ну и что, что посетитель. Вам чего? – обратилась Ариель ко мне.

Я достал из кармана мобильный телефон – «Говорун 8800», ранее принадлежавший Самолюбову, и протянул его рыжеволосой. Девушка взяла телефон, покрутила его в своих тоненьких ручонках и механическим тоном произнесла:

– Коробка, зарядка, документы? – выпала Ариель на автомате.

– За коробкой ехать надо, а деньги мне сейчас нужны, – соврал я.

Рыжеволосая Ариель недоверчиво посмотрела на меня оценивающим взглядом и сказала:

– Тридцать процентов от стоимости, устраивает?

– Да, – ответил я.

В ломбарде открылась дверь и в помещение зашли два по армейски коротко стриженных курьера-охранника в черной форме с нашивками на рукавах, некой охранной фирмы «Форпост». При виде охранников рыжеволосая обратилась ко мне со словами:

– Пять минут снаружи подождите, – сказала девушка, – Я чуть позже вами займусь.

– Хорошо, я на крыльце, – ответил я и вышел из помещения.

– За выручкой приезжают ровно в семь, каждый день, – сказала рыжеволосая Ариель своей напарнице Белоснежке и достала из-под прилавка опломбированный матерчатый мешочек зеленого цвета.

Я вышел на крыльцо. Решетчатая стеклянная дверь, из-за жары, была открыта, и на крыльце было слышно все, что происходило внутри ломбарда.

– Охранники все время эти? – деловито спросила блондинка.

– Не всегда, – ответила рыжеволосая Ариель блондинке Белоснежке, и затем обратилась к курьеру-охраннику, – Я же говорила вашему начальству, чтобы присылали одних и тех же людей? В чем дело?

– У начальства и спрашивай, – грубо ответил курьер, – Давай быстрее, где там расписаться.

Расписавшись где нужно, охранники вышли на крыльцо и прошли мимо меня. Один охранник держал в руках маленький мешочек с выручкой, другой, что покрепче, тащил на себе большой опечатанный матерчатый мешок с чем-то явно тяжелым. Затем они сели в машину, припаркованную возле входа, и уехали.

Продав телефон, я зашел попить кофе в недорогое кафе напротив ломбарда. Интерьер данного заведения был похабно стилизован под дорогой кабак, при помощи всевозможных пластмассовых изделий, «как-бы» под дерево. Сидя возле окна за столиком, который был тоже, «как-бы» под дере-

во, я открыл блокнот со списком запчастей, заботливо составленный мне Медведем, и принялся читать.

– «Нижние сайлентблоки – две штуки, нижние шаровые – две штуки, продольные шаровые – груши, тормозные шланги, – повторял я про себя, просматривая список.

Я старался сосредоточиться на списке, но мои мысли все время сворачивали в сторону ломбарда.

– «Интересно, что в этом увесистом мешке на плечах курьера? Неужели деньги?» – подумал я, и посмотрел через окно на вывеску – «Ломбард».

Работы в гараже, по воскрешению «Мерседеса» в 123 кузове, шли полным ходом. Медведь не жалел ни сил, ни себя, ни меня, ни Килю, и благодаря его усилиям, наш потрепанный временем тёмно-зелёный друг – Биссмарк, постепенно становился похожим на машину.

Уже полчаса, лежа под автомобилем, мы с Килей безрезультатно пытались открутить от кузова накрепко прикипевшие болты «подушек» кронштейнов его задней балки.

– Там камер, наверное, внутри понатыкано, – сказал Киля, пытаясь со своей стороны сорвать ключом прикипевшую гайку.

– На входе одна точно есть, – ответил я, и уперся ногой в кирпичную стену, чтобы создать дополнительный упор и помочь Киле победить гайку, – Но эта камера не проблема. Голову вниз, капюшон наверх и прошёл.

Я резко рванул на себя ключ с одетым на него удлинителем.

лем – металлической трубкой. Гайка кронштейна поддавалась.

– Главное, чтобы внутри помещения их не было, – продолжил я свой рассказ.

С баллончиком «Жидкого ключа», Медведь зашел со спины к внимательно слушавшему меня Киле.

– В помещении это плохо, – задумался Киля, – Тут пятьдесят на пятьдесят, что наши физиономии не срисуют.

Медведь поднял баллончик на уровень головы Кили и несколько раз, рукой, коснулся его плеча. Жертва обернулась. Медведь нажал пальцем рядом с кнопкой распылителя. Киля сразу шархнул в сторону от предполагаемой струи из баллончика, но сообразив в чем дело, он рассмеялся.

– Риск всегда есть, – сказал я, – Нужно все разведать и придумать, как обезопаситься от камер внутри.

Всю неделю я ездил за запчастями для Бисмарка и пил кофе в кафешке, наблюдая из окна за крыльцом ломбарда.

Курьеры-охранники действительно приезжали все время разные, и приезжали они ровно в семь вечера. По понедельникам, вместе с выручкой, охрана постоянно забирала из ломбарда еще и загадочный мешок, так заинтересовавший нашу корпорацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.